

Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 74—87.

Woman in Russian Society. 2026. No. 1. P. 74—87.

Научная статья

УДК 316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/ryaeen>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.5

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ

Маргарита Сергеевна Астоянц,

Татьяна Сергеевна Киенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, mastoyanc@sfedu.ru

Аннотация. На материале проведенного в двух российских регионах (Ростовской и Свердловской областях) анкетирования, в ходе которого было опрошено 520 респондентов в возрасте 60 лет и старше, эмпирически верифицируется положение о том, что гендерные различия играют существенную роль в практиках социального участия россиян этой возрастной группы. Выявлено, что женщины старшего возраста имеют в среднем более высокий уровень социального участия; их активность значимо выше на всех уровнях — от реактивных до проактивных форм участия. Отмечена более высокая активность женщин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности, в то время как участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет. В группе респондентов, демонстрирующих максимальную активность (лидеры) гендерные различия не зафиксированы. Не выявлено различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов, но женщины демонстрируют более высокую вовлеченность в действия, направленные на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом).

Ключевые слова: социальное участие, люди старшего возраста, гендер, гендерные особенности социального участия, социальная активность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00134 «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>.

Для цитирования: Астоянц М. С., Киенко Т. С. Особенности социального участия российских мужчин и женщин старших возрастов // *Женщина в российском обществе. 2026. №1. С. 74—87.*

Original article

FEATURES OF SOCIAL PARTICIPATION AMONG OLDER RUSSIAN WOMEN AND MEN

Margarita S. Astoyants,

Tatyana S. Kienko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, mastoyanc@sfedu.ru

Abstract. Based on a survey conducted in two Russian regions (Rostov and Sverdlovsk Regions), in which 520 respondents aged 60 and older were interviewed, the article examines the characteristics of social participation among older Russian men and women. The analysis of the research data is based on the level approach methodology developed by M. Levasser and her co-authors. In line with the level approach, the authors identified areas of social participation and the focus of activities, recorded intensity (frequency), developed a system of indicators, calculated an integral indicator of social participation, as well as its individual components characterizing the areas, focus (spaces), and forms of social participation. Statistically significant gender differences were found across all parameters. It was found that older women have a higher average level of social participation; their activity is significantly higher at all levels, from reactive forms of preparation for communication to proactive forms of civic and political participation. However, while the proportions of men with activity levels both below and above the average are approximately the same, there are twice as many women demonstrating above-average activity as those whose activity does not reach the average. At the same time, in a relatively small group of respondents demonstrating maximum activity (leaders), no gender differences were noted. Women were found to be more active in cultural and leisure, educational and developmental, social and domestic, and community activities, while there were no significant gender differences in participation in sports and health, political, and work activities. Older people are actively involved in practices aimed at their personal interests and their families, but only some of them are involved in activities outside their immediate circle. At the same time, there are no gender differences in the social activities of older women and men related to the satisfaction of their personal needs and interests, but women demonstrate greater involvement in activities aimed at others (family members, friends, neighbors, communities, and the country as a whole). The article empirically verifies the proposition that gender differences play a significant role in the social participation practices of older Russians.

Key words: social participation, older people, gender, gender characteristics of social participation, social activity

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-00134 «Social participation of older people in Russian regions in the post-pandemic period», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>.

For citation: Astoyants, M. S., Kienko, T. S. (2026) Osobennosti sotsial'nogo uchastiia rossiiskikh muzhchin i zhenshchin starshikh vozrastov [Features of social participation among older Russian women and men], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 74—87.

Старение населения является глобальной тенденцией и охватывает сегодня практически все страны мира. Не является исключением и Российская Федерация. Увеличение доли людей пожилого возраста в России является следствием долгосрочных тенденций изменения процессов демографического воспроизводства, а именно снижения рождаемости, стабилизации уровня смертности и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения. За последние 5 лет доля россиян

старше 60 лет в структуре населения страны выросла с 32 млн чел. (21,8 % в 2019 г.) до 34,5 млн чел. (23,4 % в 2023 г.). Такие стремительные темпы роста населения старших возрастов не только ставят перед российским обществом множество проблем (демографической нагрузки, социального обеспечения и обслуживания, границ пенсионного возраста, постпенсионной занятости и пр.), но и меняют представления о старости. Раздвигаются социальные рамки «нормального» старения, репертуар стратегий старения, трансформируются статус и образ жизни людей старших возрастов. Набирает силу феномен «отложенного» старения [Видясова, Григорьева, 2023]. Активность, включенность и участие старшего поколения заявляются в качестве целей и ценностей современного общества, базовых принципов социальной политики. Социальное участие рассматривается в качестве ключевого фактора повышения качества жизни людей в старшем возрасте.

Постановка задачи

Социальное участие как совместное использование ресурсов в значимой для людей деятельности обеспечивает взаимодействия с другими [Bukov et al., 2002; Levasseur et al., 2010; Levasseur et al., 2022] и реализуется в публичных и непубличных пространствах и отношениях в разных формах и уровнях [Киенко, 2023]. Авторы используют понятие «люди старшего возраста» как недискриминационное, объединяющее людей от 60 лет и старше с учетом глубокой внутренней дифференциации их особенностей, потребностей, стратегий старения. В старшем возрасте особое значение имеет неформальное участие в семейных, соседских, дружеских практиках, которое часто остается «невидимым», провоцируя стереотипы пассивной старости. Формы и интенсивность участия сопряжены с состоянием здоровья и мобильности пожилого человека, интересами, жизненным опытом, гендерным, семейно-супружеским статусом, особенностями ближайшего окружения, места, условий и образа жизни, инфраструктурных возможностей [Katagiri, Kim, 2018; Lam, Bolano, 2019; Yuying, Jing, 2021].

Мужчины и женщины старших возрастов имеют разные предпочтения и вовлекаются в разные практики участия. Однако эти различия также связаны с возрастом, трудовым, семейным, экономическим статусом и состоянием здоровья [Ong et al., 2024], этнокультурными и географическими особенностями [Marsh et al., 2018]. В одних культурах и этносах мужчины активнее женщин, в других женская активность выше, а где-то гендерные предпочтения отмечаются по видам и формам активностей [Ye et al., 2020; Ang, 2018]. Так, по данным исследований в Японии, женщины чаще мужчин участвуют в группах по интересам, культурных группах и клубах, а среди мужчин — больше участвующих в добровольческих, спортивных группах, местных общественных ассоциациях и оплачиваемой работе [Tomioka et al., 2017]. Ученые из Китая утверждают, что у пожилых женщин показатели участия ниже, причем гендерный разрыв с возрастом увеличивается (Yuying, Jing, 2021). В Канаде оба пола демонстрируют примерно одинаковые показатели участия [Naud et al., 2021]. Таким образом, представления о социальной активности мужчин и женщин значительно расходятся, что связано с различиями культур и методологий.

Образование, доходы, занятость, хорошее состояние здоровья и иные ресурсы оказывают положительное влияние на участие в социальной деятельности представителей обоих полов. Ряд авторов полагают, что у пожилых женщин меньше ресурсов, поскольку они заняты уходом за детьми и супругами, что ограничивает их

активность [Rozanova et al., 2012] и обесценивает вклад [Григорьева, 2018]. Но именно это становится фактором их вовлеченности в социальные связи, в то время как мужчины больше подвержены риску социальной изоляции [Katagiri, Kim, 2018; Siette et al., 2021], более зависимы от своих жен и их заботы [Park, et al., 2013].

В России в старшем возрасте «женщины традиционно активнее мужчин» [Полтавская, 2018: 54] как в сфере социального, так и гражданского участия [Колпина, 2018]. Отчасти это объясняется ранними границами пенсионного возраста женщин и гендерным перекосом, который увеличивается с возрастом. С другой стороны, гендерные стереотипы предписывают женщинам заботу о других, но также и большую социальность, а мужчинам роль добытчиков и карьерные цели, но меньшую коммуникативную или досуговую активность. И. А. Григорьева, напротив, находит признаки пассивности и согласия с социальными рамками российских женщин пожилого возраста [Григорьева, 2018: 15].

Таким образом, представления о социальном участии мужчин и женщин старших возрастов крайне противоречивы. Это приводит к сохранению стереотипов пассивной старости, искажению восприятия людей старших возрастов и отдалению целей политики активного долголетия. Цель данной статьи — выявление гендерных особенностей социального участия россиян старших возрастов. Авторы ставят ряд исследовательских вопросов: каковы особенности социального участия российских мужчин и женщин старших возрастов, различия уровней, направленности участия, предпочтительных форм заботы о себе и других.

Методика исследования

Представленные в статье результаты получены в ходе реализации проекта «Социальное участие людей старшего возраста в российских регионах в постпандемический период» в период с мая по сентябрь 2023 г. в двух российских регионах — в Ростовской и Свердловской областях. Методом анкетирования были опрошены респонденты в возрасте от 60 лет до 98 лет; анкета распространялась силами научного коллектива проекта, сотрудников и студентов ЮФУ и УрФУ, а также через специалистов учреждений социального обслуживания, здравоохранения, культуры, социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтеров. Выборка 520 респондентов квотирована по полу (312 женщин и 208 мужчин), месту жительства (132 чел. проживающих в сельской местности и 388 чел. в городах, согласно пропорциям по типам поселений в регионах-участниках) и условиям проживания (включает в равных долях, то есть по 130 человек, лиц, состоящих в супружестве и проживающих с супругами; не состоящих в супружестве и живущих в семьях детей, внуков и иных родственников; не состоящих в супружестве одиноко проживающих дома; не состоящих в супружестве и проживающих в стационарных отделениях социальных учреждений).

Анализ данных исследования выполнен с опорой на методологию уровневого подхода канадских ученых — М. Левассер и ее соавторов [Levasseur et al., 2010; Levasseur et al., 2022], которые выделяют 6 уровней участия. К первому относят подготовку к общению, ко второму — нахождение с другими, к третьему — взаимодействия, к четвертому — совместную деятельность, к пятому — помощь другим и к шестому — вклад в общество (гражданское и политическое участие). Уровневый подход в интерпретации М Левассер и соавторов позволяет изучать не только

публичные и явные формы активности пожилых людей, но и непубличные или опосредованные, выявлять даже те формы, которые обычно приравниваются к социальной пассивности. Описание подхода и операционализация практик по уровням предложена в других авторских работах [Киенко, 2023; Киенко, 2024].

В русле уровневого подхода нами были выделены сферы социального участия, направленность деятельности, фиксировалась интенсивность (частота). Авторы разработали систему индикаторов, рассчитали интегральный показатель социального участия, который включает в себя все переменные, характеризующие его формы, сферы, направленность и частоту, и, применив процедуру визуальной категоризации, разделили ранжированную по показателю социального участия выборку на десять равных частей (децилей), после чего провели перекрестный анализ влияния пола респондента на показатель социального участия. Анализ гендерных различий социального участия проводился при помощи Т-теста для независимых выборок; статистическая значимость проверялась при помощи критерия Ливиня. Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics 26.

Результаты исследования

Как показали результаты перекрестного анализа влияния пола на показатель социального участия (см. рис. 1), в ранжированной выборке в пределах нижних четырех децилей (что соответствует значениям ниже среднего) наблюдается преобладание респондентов-мужчин.

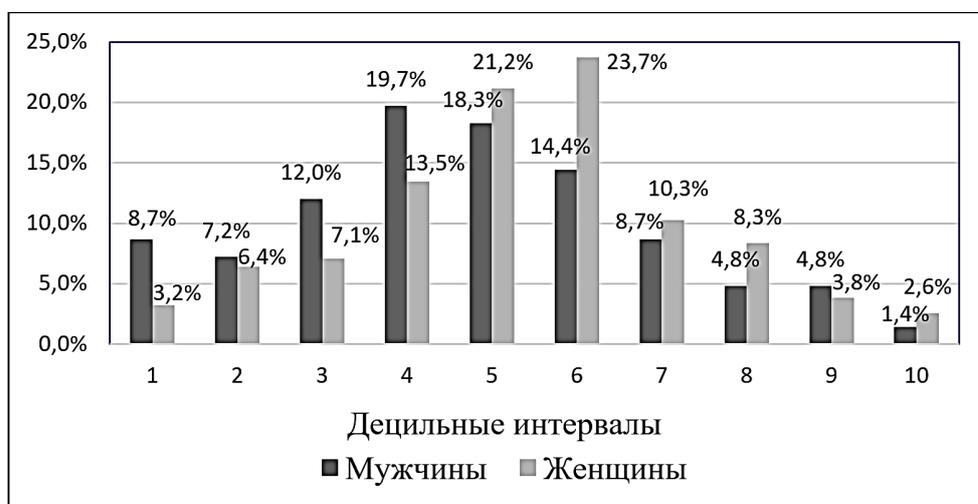

Рис. 1. Интегральный показатель социального участия: различия по полу

Если среди всех людей старшего возраста низкие значения интегрального показателя социального участия выявлены у 37,1 %, то среди мужчин таких оказалась почти половина (47,6 %), тогда как среди женщин менее трети (30,2%). В пределах 5—8 децилей (средние значения и выше среднего) доля женщин существенно выше; соответствующие значения интегрального показателя социального участия наблюдаются почти у 2/3 женщин (63,5 %) и чуть менее чем у половины (46,2 %) мужчин,

тогда как среди всех опрошенных 56,5 %. В пределах двух верхних децилей (максимальные значения) преобладают мужчины (9) и женщины (10); всего же в этой группе с очень высокими значениями интегрального показателя социального участия мужчины и женщины представлены практически в равных долях (6,2 % мужчин и 6,4 % женщин от числа всех опрошенных).

Таким образом, практически одинаковая (чуть более 6 %) доля как мужчин, так и женщин старшего возраста (лидеры) обнаруживает максимальные значения показателя социального участия. Остальная же часть опрошенных мужчин и женщина распределена по-разному: если доли мужчин, имеющих активность ниже среднего и выше среднего примерно одинаковы, то доля женщин, демонстрирующих активность выше среднего, оказалось вдвое больше тех, чья активность низка.

Таблица 1

Уровни социального участия мужчин и женщин старших возрастов

Уровни	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	Значимость (двухсторонняя)
1 уровень (подготовка к общению)	муж.	721,54	3,800	0,052	-3,371	0,001
	жен.	822,95				
2 уровень (нахождение с другими)	муж.	708,85	2,804	0,095	-2,718	0,008
	жен.	789,23				
3 уровень (взаимодействия)	муж.	662,85	3,360	0,067	-4,715	0,0003
	жен.	790,46				
4 уровень (совместная деятельность)	муж.	452,31	0,064	0,800	-3,199	0,001
	жен.	540,12				
5 уровень (помощь другим)	муж.	422,63	0,353	0,553	-2,810	0,005
	жен.	501,06				
6 уровень (вклад в общество)	муж.	574,62	1,334	0,249	-2,994	0,003
	жен.	662,82				

Применив подход М. Левассер, авторы рассчитали показатели социального участия по каждому из шести уровней (диапазон значений от 0 до 1400) и установили, что показатели социального участия у женщин старшего возраста имеют большие, по сравнению с мужчинами, средние значения на всех уровнях — подготовка к общению (1 уровень), нахождение с другими (2), взаимодействия (3), совместная деятельность (4), помощь другим (5) и вклад в общество (6 уровень). Статистическая значимость выявленных различий подтверждается результатами Т-теста (как видно из табл. 1, значимость t-критерия для равенства средних для всех шести уровней $p < 0,05$, что позволяет сделать вывод о значимости различий по полу).

Интересными оказались результаты по видам помощи и поддержки, оказываемой другим людям (5 уровень), в число которых входили: финансовая, материальная; физическая, трудовая; техническая; организация досуга и отдыха,

творчества; обучение и развитие; моральная поддержка; социально-бытовая помощь и уход. Средние значения показателей социального участия по всем видам помощи (диапазон значений от 0 до 25) у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 2).

Статистически значимые по полу различия видов оказываемой другим поддержки выявлены в вопросах финансовой (материальной) помощи, организации досуга и отдыха, в обучении и развитии, моральной поддержке, социально-бытовой помощи и уходе (значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$). Эти виды помощи женщины оказывают значимо чаще мужчин. Оказание физической и технической помощи значимых различий по полу не имеет.

Таблица 2

Виды помощи и поддержки, оказываемые мужчинами и женщинами старших возрастов другим людям

Виды помощи и поддержки	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиния		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	Значимость (двухсторонняя)
Финансовая, материальная	муж.	6,98	3,032	0,082	-2,258	0,024
	жен.	8,15				
Физическая, трудовая	муж.	7,14	0,177	0,674	-1,605	0,109
	жен.	8,03				
Техническая	муж.	6,64	1,765	0,185	-1,308	0,185
	жен.	7,38				
Организация досуга и отдыха, творчества	муж.	6,16	1,565	0,211	-3,163	0,002
	жен.	7,95				
Обучение и развитие	муж.	5,62	1,184	0,277	-2,281	0,023
	жен.	6,93				
Моральная поддержка	муж.	9,47	2,432	0,119	-3,270	0,001
	жен.	11,29				
Социально-бытовая помощь и уход	муж.	6,63	0,670	0,414	-2,520	0,012
	жен.	8,08				

Авторы также проанализировали активность наших респондентов, выделили ключевые сферы социального участия (культурно-досуговую, образовательно-развивающую, спортивно-оздоровительную, социально-бытовую, общественную, политическую и трудовую), предполагая, что здесь также можно обнаружить гендерные различия и что существуют как преимущественно женские, так и преимущественно мужские сферы. Расчет показателей социального участия для каждой сферы (диапазон значений от 0 до 5) показал, что средние значения показателя у женщин выше, чем у мужчин во всех сферах, за исключением политической (см. табл. 3). Значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$ в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности позволяет сделать

вывод о статистической значимости различий по полу. Таким образом, женщины активнее мужчин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности. Участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет.

Таблица 3

Сферы социального участия мужчин и женщин старших возрастов

Сферы	Пол	Среднее значение показателя социального участия	Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
			F	Уровень знач.	t-критерий	значимость (двухсторонняя)
Культурно-досуговая	муж.	2,32	0,693	0,406	-2,920	0,004
	жен.	2,71				
Образовательно-развивающая	муж.	2,21	2,917	0,088	-2,495	0,013
	жен.	2,58				
Спортивно-оздоровительная	муж.	2,43	3,097	0,079	-1,841	0,066
	жен.	2,71				
Социально-бытовая	муж.	2,92	8,162	0,004	-3,351	0,001
	жен.	3,43				
Общественная	муж.	1,86	0,060	0,807	-3,152	0,002
	жен.	2,34				
Политическая	муж.	1,58	2,412	0,121	0,333	0,740
	жен.	1,53				
Трудовая	муж.	2,59	0,735	0,392	-1,302	0,193
	жен.	2,81				

Анализ направленности социального участия людей старшего возраста позволил определить, в чьих интересах осуществляются практики социального участия, на какой круг субъектов (социальные пространства участия) они направлены. Авторы рассчитали показатели социального участия для каждого пространства (диапазон значений от 0 до 660). Сопоставление мер центральной тенденции по полу показывает, что по всем показателям (от направленности на свои собственные интересы до семейных, дружеских, соседских, интересов локальных сообществ и более широкой общественной пользы) среднее значение у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 4).

Важную информацию дает нам разность среднего и медианного значений социального участия. В ближайшем социальном пространстве (направленность на себя и членов своей семьи) разность среднего и медианного значений социального участия принимает отрицательные значения, а распределение переменной социального участия имеет отрицательную асимметрию и перекошено влево, т. е. малая часть наших респондентов значительно реже остальных осуществляет действия в собственных интересах и интересах своей семьи, а большая часть делает это довольно часто. И для мужчин эти различия более заметны, чем для женщин (-38,08 против -14,49 и -22,9 против -11,62 соответственно), что говорит о большей гомогенности женщин и гетерогенности мужчин старшего возраста по этому показателю.

Для более широких социальных пространств участия людей старшего возраста (направленность на друзей, соседей, сообщества и др.), напротив, разность среднего и

медианного значений принимает положительные значения, а распределение переменной социального участия имеет положительную асимметрию и перекошено вправо.

Таблица 4

**Направленность социального участия мужчин и женщин
старших возрастов**

Направленность социального участия	Пол	Показатель социального участия		Критерий равенства дисперсий Ливиня		t-критерий для равенства средних	
		Среднее значение	Разность среднего и медианы	F	Уровень знач.	t-критерий	значимость (двухсторонняя)
В своих личных интересах	муж.	357,92	-38,08	1,696	0,193	-1,620	0,106
	жен.	381,51	-14,49				
В интересах членов своей семьи	муж.	289,10	-22,9	1,777	0,183	-2,193	0,029
	жен.	324,38	-11,62				
В интересах друзей	муж.	241,79	25,79	0,542	0,462	-2,304	0,022
	жен.	275,38	23,38				
В интересах соседей	муж.	164,94	56,94	1,595	0,207	-2,551	0,011
	жен.	202,73	34,73				
В интересах организаций, сообществ, клубов, групп	муж.	140,71	68,71	2,053	0,152	-2,444	0,015
	жен.	179,73	47,73				
В интересах общественной пользы	муж.	137,34	38,34	6,553	0,011	-3,238	0,001
	жен.	181,36	54,86				

То есть для людей старшего возраста скорее характерны невысокие показатели социального участия в дружеских, соседских практиках или в сообществах, тогда как для небольшого количества респондентов эти показатели очень высоки. Здесь авторы также обнаружили большие значения разности среднего и медианного значений социального участия у мужчин, чем у женщин. Исключение составляет участие в интересах общественной пользы: здесь у женщин разность среднего и медианного значений социального участия составляет 54,86, а у мужчин 38,34, т. е. у женщин наблюдается больший разброс значений по данному признаку.

Статистически значимые различия по полу наблюдаются во всех социальных пространствах участия, которые выходят за пределы сферы личных интересов индивида (значимость t-критерия для равенства средних $p < 0,05$). Не выявлено значимых различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов (значимость t-критерия для равенства средних $p = 0,106$). Если же активность связана с действиями, направленными

на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом), женщины демонстрируют более высокую социальную активность, чем мужчины.

Заключение

Итак, подводя итоги анализа исследования социального участия уральских и донских мужчин и женщин старшего возраста, можно увидеть, что существуют определенные различия в выборе форм и частоты социального участия, объектов и направлений заботы. Женщины старших возрастов демонстрируют более высокую социальную активность в сравнении с мужчинами; их участие значимо выше на всех уровнях от реактивных форм подготовки к общению до проактивных форм гражданского и политического участия. Женщины активнее мужчин в сфере культурно-досуговой, образовательно-развивающей, социально-бытовой и общественной деятельности, в то время как участие в спортивно-оздоровительной, политической и трудовой деятельности значимых различий по полу не имеет. Если доли мужчин, имеющих активность как ниже, так и выше среднего значения примерно одинаковы, то женщин, демонстрирующих активность выше среднего, вдвое больше, чем тех, чья активность не достигает средних значений. В то же время максимальную активность (лидерство) демонстрирует лишь небольшая доля респондентов и в этой группе гендерных различий не наблюдается. Пожилые женщины чаще мужчин оказывают другим финансовую (материальную), социально-бытовую и моральную поддержку, помощь в организации досуга и отдыха, в обучении и развитии, в то время как оказание физической и технической помощи значимых различий по полу не имеет. Люди старших возрастов активно вовлечены в практики, направленные на личные интересы и свою семью, но лишь часть старших вовлечены в активности за пределами ближнего круга. При этом нет различий по полу в социальных активностях пожилых женщин и мужчин, связанных с удовлетворением их личных потребностей и интересов, но женщины демонстрируют более высокую вовлеченность в действия, направленные на других (членов семьи, друзей, соседей, сообществ и страны в целом).

Гендерные роли предписывают женщинам большую коммуникабельность, функцию заботы о близких, включенность в практики публичного и непубличного участия. Женщины более адаптивны. Они раньше вступают в пенсионный возраст, к тому же в России доля женщин в старшем возрасте значительно превышает долю мужчин. Мужские ролевые модели ориентированы на трудовую самореализацию, а не на общение, досуг, благотворительность или заботу. Отсюда, как полагают авторы, большая часть предложений со стороны государства, социальных служб, СОНКО (социально-ориентированные некоммерческие организации), культурно-досуговых учреждений, семейных, соседских или даже потребительских практик ориентирована на пожилых женщин, а для мужчин предлагается меньше приемлемых для их гендерных моделей форм и видов социальной активности и самореализации, которые бы учитывали их запросы и потребности.

Для мужчин характерна более долгая занятость и карьерно-материальная ориентация, и, несмотря на определенные трансформации гендерных норм, в российском поле сохраняется сильный традиционный образ мужчины-добытчика, главы семьи, на котором лежит ключевое обязательство финансового обеспечения семьи. Соответственно, с этим сопряжены физические, моральные, темпоральные перегрузки, когда у

мужчин в зрелом возрасте меньше возможностей получения опыта участия до выхода на пенсию. Отсутствие опыта участия приводит к снижению активности мужчин. К тому же их здоровье часто начинает ухудшаться примерно к моменту выхода на пенсию, что сказывается на ограничениях социальной активности.

Данное исследование имеет ряд ограничений. Так, авторы обсуждают результаты опросов пожилых россиян лишь в двух российских регионах, однако их можно считать довольно представительными, характеризующими высокоурбанизированный регион (Урал) и регион, где соотношение городских и сельских пожилых жителей приближено к общероссийским распределениям (Дон). Исследование показывает неоднозначность, нелинейность, но существенную роль гендерных различий в практиках участия пожилых женщин и мужчин. Эти данные, с одной стороны, демонстрируют недостаточность условий для приобретения российскими мужчинами опыта социального участия и предложений для их активности в старших возрастах, с другой стороны — высокую разностороннюю активность женщин, которая при этом не получает признания. Учет имеющихся лагун необходим при разработке политических и практических решений. Сказанное подтверждает задачи критического анализа феномена социального участия, его гендерных аспектов и специфики в старшем возрасте. Полученные данные представляют значимость для использования в практике организации активностей, геронтоволонтерства, социальной заботы, формирования предложений в сфере социального участия с учетом гендерных отличий.

Список источников

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 4—26.

Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 5—18.

Киенко Т. С. Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 225—260.

Колтина Л. В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 293—308.

Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 584—601.

Полтавская М. Б. Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда). // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 48—64.

Ang S. Social participation and mortality among older adults in Singapore: does ethnicity explain gender differences? // Journals of Gerontology: Series B. 2018. Vol. 73, iss. 8. P. 1470—1479.

Bukov A., Maas I., Lampert T. Social participation in very old age: cross-sectional and longitudinal findings from BASE. // Journals of Gerontology: Series B. 2002. Vol. 57, № 6. P. 510—517.

Katagiri K., Kim J. H. Factors determining the social participation of older adults: A comparison between Japan and Korea using EASS 2012 // PLoS One. 2018. Vol. 13, № 4. 23 p.

Lam J., Bolano D. Social and productive activities and health among partnered older adults: a couple-level analysis // Social Science and Medicine. 2019. № 229. P. 126—133.

Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities // Social Science and Medicine. 2010. Vol. 71, № 12. P. 2141—2149.

Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M. L., Raymond É., Castonguay J., Naud D., Fortier M., Sévigny A., Houde S., Tremblay L. Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition // *Age and Ageing*. 2022. Vol. 51, № 2. P. 1—13.

Marsh C., Agius P. A., Jayakody G., Shajehan R., Abeywickrema C., Durrant K., Luchters S., Holmes W. Factors associated with social participation amongst elders in rural Sri Lanka: a cross-sectional mixed methods analysis // *BMC Public Health*. 2018. Vol. 18, iss. 1. P. 1—14.

Naud D., Gagnéux M., Alauzet A., Bruneau J. F., Cohen A., Levasseur M. Social participation and barriers to community activities among middle-aged and older Canadians: Differences and similarities according to gender and age // *Geriatrics and Gerontology International*. 2021. Vol. 21, № 1. P. 77—84.

Ong C. H., Pham B. L., Levasseur M., Tan G. R., Seah B. Sex and gender differences in social participation among community-dwelling older adults: a systematic review // *Frontiers in Public Health*. 2024. Vol. 12, № 12. P. 1—18.

Park N. S., Jang Y. R., Lee B. S., Haley W. E., Chiriboga D. A. The mediating role of loneliness in the relation between social engagement and depressive symptoms among older Korean Americans: do men and women differ? // *Journals of Gerontology: Series B*. 2013. Vol. 68, № 2. P. 193—201.

Rozanova J., Keating N., Eales J. Unequal social engagement for older adults: constraints on choice // *Canadian Journal of Aging*. 2012. Vol. 31, № 1. P. 25—36.

Siette J., Berry H., Jorgensen M., Brett L., Georgiou A., McClean T., Westbrook J. Social Participation Among Older Adults Receiving Community Care Services // *Journal of Applied Gerontology*. 2021. Vol. 40, № 9. P. 997—1007.

Tomioka K., Kurumatani N., Hosoi H. Age and gender differences in the association between social participation and instrumental activities of daily living among community-dwelling elderly // *BMC Geriatr*. 2017. Vol. 17, № 1. P. 1—10.

Ye L., Xiao J., Fang Y. Heterogeneous Trajectory Classes of Social Engagement and Sex Differences for Older Adults in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, № 22. P. 1—15.

Yuying Z., Jing C. Gender Differences in the Score and Influencing Factors of Social Participation among Chinese Elderly // *Journal of Women and Aging*. 2021. Vol. 34, № 4. P. 537—550.

References

Ang, S. (2018) Social participation and mortality among older adults in Singapore: does ethnicity explain gender differences?, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 73., iss. 8, pp. 1470—1479.

Bukov, A., Maas, I., Lampert, T. (2002) Social participation in very old age: cross-sectional and longitudinal findings from BASE, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 57. no. 6, pp. 510—517.

Grigorieva, I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: «vniz po lestnitse» vozrasta i gendera [Elderly women: «over the hill» age- and gender-wise], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—18.

Katagiri, K., Kim, J. H. (2012) Factors determining the social participation of older adults: A comparison between Japan and Korea using EASS, *PLoS One*, vol. 13, no. 4.

Kienko, T. S. (2023) Sotsial'noe uchastie liudei starshego vozrasta: podkhody k analizu i instrumenty otsenki [Social participation of older people: approaches to analysis and assessment tools], *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 22, no. 2, pp. 225—260.

Kolpina, L. V. (2018) Grazhdanskaia aktivnost' naseleniia starshego pokoleniia na mestnom urovne [Civic activity of the older generation at the local level], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 4, pp. 293—308.

Lam, J., Bolano, D. (2019) Social and productive activities and health among partnered older adults: a couple-level analysis, *Social Science and Medicine*, no. 229, pp. 126—133.

Levasseur, M., Lussier-Therrien, M., Biron, M. L., Raymond, É., Castonguay, J., Naud, D., Fortier, M., Sévigny, A., Houde, S., Tremblay, L. (2022) Scoping study of definitions of social participation: update and co-construction of an interdisciplinary consensual definition, *Age and Ageing*, vol. 51, no. 2, pp. 1—13.

Levasseur, M., Richard, L., Gauvin, L., Raymond, E. (2010) Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: proposed taxonomy of social activities, *Social Science and Medicine*, vol. 71, no. 12, pp. 2141—2149.

Marsh, C., Agius, P. A., Jayakody, G., Shajehan, R., Abeywickrema, C., Durrant, K., Luchters, S., Holmes, W. (2018) Factors associated with social participation amongst elders in rural Sri Lanka: a cross-sectional mixed methods analysis, *BMC Public Health*, vol. 18, iss. 1. Article Number 636, pp. 1—14.

Naud, D., Généreux, M., Alauzet, A., Bruneau, J. F., Cohen, A., Levasseur, M. (2021) Social participation and barriers to community activities among middle-aged and older Canadians: Differences and similarities according to gender and age, *Geriatrics and Gerontology International*, vol. 21, no. 1, pp. 77—84.

Ong, C. H., Pham, B. L., Levasseur, M., Tan, G. R., Seah, B. (2024) Sex and gender differences in social participation among community-dwelling older adults: a systematic review, *Frontiers in Public Health*, vol. 12, no. 12. Article 1335692, pp. 1—18.

Park, N. S., Jang, Y. R., Lee, B. S., Haley, W. E., Chiriboga, D. A. (2013) The mediating role of loneliness in the relation between social engagement and depressive symptoms among older Korean Americans: do men and women differ?, *Journals of Gerontology: Series B*, vol. 68, no. 2, pp. 193—201.

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S. (2024) Urovni sotsial'nogo uchastia grazhdan «serebriannogo» vozrasta i faktory ego aktivizatsii v rossiiskom regione (po materialam issledovaniia v Sverdlovskoi oblasti) [Levels of social participation of citizens of «silver» age and factors of its activation in the Russian region (based on research materials in the Sverdlovsk region)], *Regionologiya*, vol. 32, no. 3, pp. 584—601.

Poltavskaya, M. B. (2018) Social'naya aktivnost' grazhdan «tret'ego vozrasta»: gendernyi aspekt (na primere g. Volgograda) [Social activity of citizens of the «third age»: gender aspect (on the example of Volgograd)], *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 2, pp. 48—64.

Rozanova, J., Keating, N., Eales, J. (2012) Unequal social engagement for older adults: constraints on choice, *Canadian Journal of Aging*, vol. 31, no. 1, pp. 25—36.

Siette, J., Berry, H., Jorgensen, M., Brett, L., Georgiou, A., McClean, T., Westbrook, J. (2021) Social participation among older adults receiving community care services, *Journal of Applied Gerontology*, vol. 40, no. 9, pp. 997—1007.

Tomioka, K., Kurumatani, N., Hosoi, H. (2017) Age and gender differences in the association between social participation and instrumental activities of daily living among community-dwelling elderly, *BMC Geriatr*, vol. 17, no. 1, pp. 1—10.

Vidyasova, L. A., Grigorieva, I. A. (2023) Predmetnoe pole issledovaniia aktivnogo/otlozhennogo starenia: rezul'taty naukometricheskogo analiza i kartirovaniia [The subject field of active/delayed aging research: the results of scientometric analysis and mapping], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, vol. 16, no. 1, pp. 4—26.

Ye, L., Xiao, J., Fang, Y. (2020) Heterogeneous trajectory classes of social engagement and sex differences for older adults in China, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 22, pp. 1—15.

Yuying, Z., Jing, C. (2021) Gender differences in the score and influencing factors of social participation among Chinese elderly, *Journal of Women and Aging*, vol. 34, no. 4, pp. 537—550.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 16.11.2025.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 16.11.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Астоянц Маргарита Сергеевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, mastoyanc@sfedu.ru (Dr.Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Киенко Татьяна Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, tskienko@sfedu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).